

КОРОЛЕВСКАЯ АНАЛОСТАНКА

Жизнь первая

Глава I

— **М**я-я-со! Мя-я-со! — пронзительно разносилось по Скримперскому переулку.

Все кошки околотка сбегались на этот призыв. А собаки отворачивались с презрительным равнодушием.

— Мя-я-со! Мя-я-со! — раздавалось всё громче и громче.

Наконец появился грязный всклокоченный человек с тачкой. Со всех сторон к нему спешили кошки. Через каждые пятьдесят шагов, как только кошек собиралось достаточно, тачка останавливалась. Человек доставал из ящика вертел, унизанный кусочками сильно пахнущей варёной печёнки. Длинной палкой он поочерёдно спихивал эти кусочки с вертела. Каждая кошка хватала по куску, прижав уши, и, метнув злобный взгляд, с урчаньем бросалась прочь, чтобы насладиться добычей в надёжном убежище.

— Мя-я-со! Мя-я-со!

Всё новые и новые пенсионерки прибывали за своими порциями. Все они были хорошо известны продавцу печёнки. Вот Тигровая — Касильоне, вот Чёрная — Джонса, вот Черепаховая — Пралицкого, вот Белая, принадлежащая мадам Дантон. Там вон

крадётся Ангорская — Бленкинсгофа. А тот, что залез на тачку, старый Оранжевый Билли — кот Соьера, наглый плут, хозяин его очень плохо платит. Каждого надо помнить. Вот бежит кошка, хозяин которой аккуратно вносит свои десять центов в неделю. Зато вот та, другая, ненадёжна. А вот кот Джона Уаши: этот получает кусочек поменьше, потому что Джон задерживает платёж. Разукрашенный ошейником и бантами крысолов трактирщика получает добавочную порцию в награду за щедрость хозяина. Не менее счастлива и кошка сборщика податей, хотя сборщик не даёт, а требует деньги. Вот доверчиво прибегают чёрная кошечка с белым носиком, но — увы! — её беспощадно отталкивают. Бедняжка не понимает, что случилось. Она получала печёнку в течение долгих месяцев. Почему такая жестокая перемена? Но продавец печёнки хорошо знает, в чём дело: её хозяйка перестала ему платить. У него нет никаких книг, он руководствуется только памятью, и память его никогда не обманывает.

Кошки, не числившиеся, так сказать, в списках аристократии, дожидались на почтительном расстоянии, надеясь на счастливую случайность. В числе этих прихлебателей находилась одна серая жительница трущоб, бездомная кошка, пробавлявшаяся чем бог послал, тощая и грязная. Одним глазом она следила за тачкой, а другим поглядывала, не подстерегает ли её собака. Десятки кошек удалились, получив свою долю печёнки, а у неё всё ещё не было никакой надежды на завтрак. Но вот большой кот, такой же бездомный, как и она, напал на одну из пенсионерок, чтобы отнять у неё добычу. Жертва выронила мясо, готовясь к обороне. Пока они дра-

лись, серая трущобница схватила кусок и была такова.

Она проскользнула в боковую калитку, перескочила через заднюю стену, затем уселась, проглотила кусок печёнки, облизнулась и, блаженствуя, отправилась окольными путями к свалке, где на дне старого ящика от бисквитов дожидалось её семейство. Вдруг она услышала жалобное мяуканье. Она помчалась к своим детёнышам и увидела большого чёрного кота, преспокойно пожиравшего её котят. Кот был вдвое больше её, но она набросилась на него с такой яростью, что он, застигнутый на месте преступления, повернулся и бросился бежать. Из котят уцелел всего один — маленький серый котёнок, похожий на мать, но с чёрными полосками на спинке и белыми отметинами на носу, ушах и кончике хвоста.

Первые дни мать горевала безмерно. Но потом горе её утихло, и вся любовь и забота сосредоточились на оставшемся в живых малыше. Чёрный кот, пожирая котят, конечно, не собирался сделать доброе дело, а между тем он оказался невольным благодетелем и матери, и её детёныша: легче выкормить одного котёнка, чем многих. Ежедневные поиски пищи продолжались. Продавец печёнки редко приносил ей счастье, но в мусорных ящиках всегда бывала картофельная шелуха, которой можно было заглушить голод.

Однажды ночью мать-кошка почуяла чудесный запах. Он доносился с реки. Этот запах привёл кошку в док, а оттуда — на набережную. Услышав внезапное рычание, она поняла, что путь к бегству отрезан её давнишним врагом, собакой с верфи. Выбора не было: она перескочила на судно, с которого доносился чудесный рыбный запах. Собака осталась на берегу, и, когда

утром рыбацье судно отправилось в плавание, кошка поневоле отчалила на нём, и больше её никто никогда не видел.

Глава II

Напрасно дожидался матери трущобный котёнок. Утро пришло и прошло. Котёнок сильно проголодался. Перед вечером он пустился в поиски за пищей. Он вылез из ящика и стал ползать по мусорным кучам, обнюхивая всё, что казалось съедобным, но не находил ничего. Наконец он достиг деревянных ступенек, спускавшихся в подвальную лавку продавца птиц, Японца Мали. Дверь была приоткрыта. Котёнок вступил в целый мир едких и странных запахов. Он увидел множество заключённых в клетки живых существ.

На ящике в углу сидел негр. Негр заметил маленького незнакомца и стал с любопытством следить за ним. Котёнок миновал несколько клеток с кроликами, не обратившими на него внимания. Но вот он подошёл к клетке с широкой решёткой, в которой сидела лисица. Знатная дама с пушистым хвостом находилась в самом дальнем углу клетки. Она прикинула к земле. Глаза её загорелись. Котёнок приблизился, принюхиваясь, к решётке, просунул голову внутрь, ещё раз понюхал, затем двинулся к миске с едой — и в тот же миг был схвачен караулившей его лисицей. Послышалось испуганное «мяу!», и сразу кончилась бы кошачья жизнь, если бы не вмешался негр. Оружия у него не было, войти в клетку он не мог, но он запустил в морду лисицы такой решительный плевок, что та мгновенно выронила котёнка и забилась в угол, мигая глазами от страха.

Негр вытащил котёнка из клетки. Сотрясение ошеломило его. Малютка был невредим, но словно одурманен. Он, шатаясь, сделал несколько шагов и стал понемножку приходить в себя. Несколько минут спустя он мурлыкал на коленях у негра. Тут в лавку вернулся продавец птиц, Японец Мали. Японец Мали родился вовсе не в Японии, а в лондонском предместье. Но у него на месте глаз были такие крошечные прорезы, косо расставленные на плоском круглом лице, что настоящее его имя было забыто, и все называли его Японцем. Он не был жесток к птицам и животным, которыми торговал. Он только соблюдал свою выгоду и знал, что ему нужно. Ему не был нужен трущобный котёнок. Негр накормил малыша всласть, затем отнёс его в отдалённый квартал и покинул там на дворе железного склада.

Глава III

Одного обильного обеда вполне достаточно на два-три дня. Наевшийся котёнок был очень оживлён и весел. Он обрыскал груды мусора, любопытно поглядывал на висевшие за окнами далёкие клетки с канарейками, заглянул через забор, увидел большую собаку, потихоньку спустился обратно, разыскал защищённое местечко на самом припёке и проспал там целый час.

Его разбудило лёгкое фырканье. Перед ним стоял большой чёрный кот со сверкающими зелёными глазами. На одной щеке его белел рубец, и левое ухо было прорвано. Глядел он совсем неприветливо. Уши его шевелились, хвост подёргивался, и в горле раздавалось глухое клокотанье. Котёнок простодушно пошёл к нему навстречу. Он не узнал губителя своих братьев. Чёрный

кот потёрся мордой о тумбу, затем медленно, спокойно повернулся и исчез. Последнее, что котёнок увидел, был кончик его хвоста, подёргивавшийся вправо и влево. И малыш никогда не узнал, что был так же близок к смерти, как в ту минуту, когда отважился войти в клетку лисицы.

Вечером котёнок почувствовал голод. Он внимательно изучил длинный невидимый и разнородный поток воздуха, именуемый ветром. Выбрав наиболее интересное из его течений, он побрёл ему навстречу, повинаясь указаниям носа. В углу двора оказался ящик с мусором, в котором ему удалось разыскать немного пищи. Поев, он напился из кадки с водой, стоявшей под краном. Всю ночь он старательно изучал двор. Следующий день, как и предыдущий, он провёл в сладком сне на солнышке.

Так шло время.

Иногда он находил в мусорном ящике целый обед, иногда ничего не находил. Однажды он застал там большого чёрного кота, но осторожно удалился, прежде чем тот успел его заметить. Кадка с водой почти всегда стояла на своём месте, а когда её уносили, на камне под краном оставались мутные лужицы. Но мусорный ящик был чрезвычайно ненадёжен. Однажды он на целых три дня оставил котёнка без еды. Малыш пошарил вдоль забора и, отыскав небольшое отверстие, вылез на улицу. Не успел он как следует оглядеться, как вдруг что-то ринулось, зашумело: на него налетела с размаху большая собака. Котёнок едва успел проскочить обратно на двор сквозь дыру в заборе. Он был страшно голоден. К счастью, он нашёл немного картофельной шелухи, слегка заглушившей его мучения. Утром он не лёг спать, а снова отправился на промысел.

Во дворе щебетали воробьи. Они и прежде бывали здесь, но теперь котёнок глядел на них другими глазами. Неотступное чувство голода пробудило в нём хищнические инстинкты. Теперь эти воробьи были добычей, были пищей. Котёнок припал к земле и стал подкрадываться к воробьям. Много раз он повторял попытку, но безуспешно: воробьи были проворнее его и всегда улетали вовремя. Наконец он понял, что хотя воробьи — пища, но пища недосыгаемая.

На пятый день этого незадачливого житья трущобный котёнок снова отправился на улицу, надеясь чего-нибудь поесть. Когда он отошёл на порядочное расстояние от щели в заборе, несколько маленьких мальчиков принялись обстреливать его кирпичами. Он пустился бежать. К погоне присоединилась собака. Положение беглеца становилось безнадёжным. Но вдруг он увидел железную решётку перед фасадом дома и укрылся за нею, еле успев увернуться от собаки. В окне наверху показалась женщина, прикрикнувшая на собаку. Она бросила бедняжке обрезок мяса, и котёнок полакомился, как никогда ещё в жизни. Затем он забился под навес, просидел там до тех пор, пока наступившая ночь не принесла с собой покоя, и тогда словно тень проскользнул обратно в свой двор.

Такая жизнь длилась два месяца. Котёнок вырос, возмужал и хорошо изучил опасности. Он познакомился с Даун-стрит, где каждое утро появлялись ряды мусорных ящиков. Для него большой дом был складом мусорных ящиков, всегда полных лучшими рыбными отбросами. Он вскоре познакомился также с продавцом печёнки и примкнул к робкой стае

кошек, за которых никто не платил. Пришлось ему встретиться и с собакой с верфи, и с другими страшными псами. Он узнал, как они злы, и научился их избегать.

Вскоре, к своему счастью, он изобрёл новый промысел. Многие кошки топтались в напрасной надежде вокруг заманчивых бидонов с молоком, которые оставляет по утрам на порогах и подоконниках молочник. Счастливая случайность однажды натолкнула нашего котёнка на бидон со сломанной крышкой. Это научило его поднимать и целые крышки, и напиваться всласть. Откупорить бутылку он, разумеется, не мог, но ему немало попадалось бидонов с плохо прилегающей крышкой. Наш котёнок усердно разыскивал такие бидоны. Мало-помалу он изучил весь свой квартал. Проникая всё дальше, он наконец снова очутился среди бочонков и ящиков заднего двора, за лавкой продавца птиц.

Двор железного склада всегда оставался для него чужим, но тут в нём сразу проснулось чувство собственности, и он отнёсся с негодованием к появлению другого котёнка. С угрожающим видом он двинулся к пришельцу. Дело уже дошло до фырканья и урчанья, когда выплеснутое из верхнего окна ведро воды залило обоих и основательно охладило их пыл. Они бросились в разные стороны: незнакомец — через стену, а трущобный котёнок — под тот самый ящик, в котором он родился. Эти задворки были необычайно милы его сердцу, и он вновь обосновался здесь на жительство. В этом дворе пищи было так же мало, как в прежнем, и вовсе не было воды, но зато его посещали вкуснейшие мыши. Благодаря этим мышам наш котёнок скоро нашёл себе друга.

Глава IV

К этому времени котёнок превратился уже в большую красивую кошку, пятнистую, словно тигр. Её бледно-серую шкурку украшали чёрные полосы, а четыре белых пятна на носу, хвосте и ушах придавали ей чрезвычайно изящный вид. Несмотря на то что она отлично умела отыскивать пищу, ей иной раз приходилось голодать по нескольку дней, и тогда она снова безуспешно принималась охотиться за воробьями. Она была совсем одинока.

Однажды в августе, когда киска нежилась на солнце, она увидела большого чёрного кота, который шёл прямо к ней. Она тотчас узнала его по рваному уху, попяtilась к своему ящику и спряталась в нём. Чёрный осторожно двигался вперёд, легко перепрыгнул со стены на сарай в конце двора и стал переправляться через его крышу, как вдруг перед ним вырос жёлтый кот. Чёрный уставился на него с рычанием, жёлтый отвечал тем же. Хвосты их злобно извивались. Крепкие глотки рычали и урчали. Они приблизились друг к другу с прижатыми к затылку ушами, с напряжёнными мускулами.

— Яу-яу-яу! — сказал чёрный.

— Уау-у-у! — прозвучал в ответ здоровенный бас.

— Я-яу-яу-яу! — сказал чёрный, придвигаясь на четверть дюйма¹ ближе.

— Яу-у-у! — ответил жёлтый. Выпрямившись во весь рост, он с необычайным достоинством сделал шаг вперёд. — Яу-у! — И он ступил ещё раз, хлеща себя по бокам хвостом.

— Я-яу-яу-у! — взвизгнул чёрный, повышая тон, и отступил на осьмушку дюйма перед широкой непреклонной грудью противника.

¹ Дюйм — единица измерения длины, равная 2,54 сантиметра.

Вокруг открывались окна, слышались людские голоса, но кошачья ссора не прерывалась.

— Яу-яу-у! — загремел жёлтый, понижая голос по мере того, как голос чёрного повышался. — Яу! — И он шагнул вперёд.

Теперь между их носами было каких-нибудь три дюйма. Они стояли боком, оба готовые вцепиться друг в друга, но дожидаясь, чтобы начал враг. Минуты три они молча пожирали друг друга глазами, неподвижные как изваяния; шевелились только кончики их хвостов.

Затем жёлтый начал снова:

— Я-у-у! — низким басом.

— Я-а-а-а! — завизжал чёрный, стараясь вселить ужас своим воплем, но в то же время отступая на одну шестнадцатую дюйма.

Жёлтый ступил вперёд на полдюйма. Теперь усы их смешались. Ещё шаг — и носы их чуть не столкнулись.

— Я-у-у! — злобно прорычал жёлтый.

— Я-а-а-а-а! — взвизгнул чёрный, отступая на тридцать вторую часть дюйма.

Жёлтый воин ринулся вперёд и вцепился в него.

О, как они кувыркались, кусались и царапались! Как они кусали, таскали и мяли друг друга! Особенно отличался жёлтый.

Кубарем, через голову, иногда один сверху, иногда другой, но чаще жёлтый, они катились всё дальше и дальше, пока не свалились с крыши под радостные крики зрителей, толпившихся у окон. Даже во время падения они продолжали мять и царапать друг друга. Особенно больно царапался жёлтый.

Когда они коснулись земли, верхним оказался жёлтый. И когда они наконец расстались, каждому

досталось вдоволь и в особенности чёрному. Он взобрался на стену и, ворча, истекая кровью, исчез, в то время как от окна к окну передавалась весть, что наконец-то Оранжевый Билли как следует отдул Чёрного Нига.

Либо жёлтый кот был очень искусный сыщик, либо трущобная киска не слишком усердно пряталась, но он нашёл её среди ящиков, и она не пыталась бежать. Ничто так не покоряет женское сердце, как победа на поле боя. Жёлтый кот и киска вскоре подружились. Не то чтобы они делили жизнь и пищу — это не в обычае у кошек, — они только признавали друг за другом особые приятельские права.

Глава V

Сентябрь прошёл. Наступили короткие октябрьские дни, когда в старом ящике из-под бисквитов произошло важное событие. Если бы сюда явился Оранжевый Билли, он увидел бы пятерых котят, свернувшихся в объятиях своей матери, маленькой трущобной кошечки. Настало и для неё счастливое время. Она испытывала величайший восторг, она облизывала их с нежностью, удивившей бы её самое, если бы она только была способна рассуждать.

В её безрадостную жизнь вошла радость, но прибавилось также и забот. Теперь все её силы уходили на поиски пищи. Заботы увеличивались по мере того, как росли котята. Через шесть недель они начали вылезать из ящика и лазили всюду каждый день, как только мать уходила на промысел.

В трущобном мире хорошо известно, что беда идёт тучей, а счастье — полосой. Киска пережила три схватки с собаками и получила несколько кирпичей от

негра — слуги Японца Мали. Затем произошёл перелом. На следующее же утро она нашла молочный бидон без крышки, успешно ограбила одного из пенсионеров тачки и отыскала большую рыбку голову — всё это в каких-нибудь два часа. Возвращаясь домой с тем чувством безмятежного покоя, какое может дать один только полный желудок, она увидела у себя на дворе маленькое коричневое существо. Киска вспомнила прежние свои охоты. Она убила и съела не одну мышь на своём веку и решила, что этот коричневый зверь, вероятно, крупная мышь с коротким хвостом и большими ушами.

Она подкрадывалась к нему с ненужной осторожностью. Маленький кролик только выпрямился и, казалось, потешался над нею. Он и не пытался бежать, и кошка без труда схватила его.

Так как ей не очень хотелось есть, она отнесла его к ящику и бросила на кучу котят. Ему не очень было больно. Он скоро оправился от страха и, видя, что не может выбраться из ящика, пристроился к котяткам. Когда же они начали ужинать, он без колебаний присоединился к ним. Кошка опешила. Охотничий инстинкт одержал было верх над всем остальным, но она была сыта, и это спасло кролика. В нашей киске проснулся материнский инстинкт, и она стала кормить кролика своим молоком.

Кролик сделался членом семьи и стал пользоваться уходом и пищей наравне с котятками.

Прошло две недели. Котята весело резвились среди ящичков в отсутствие матери, кролик же не мог выбраться наружу. Увидав котят на заднем дворе, Японец Мали приказал своему негру перестрелять их, что тот и проделал в одно прекрасное утро,

вооружившись двадцатидвухдюймовой винтовкой. Он застрелил одного за другим всех котят. Вдруг на стене показалась взрослая кошка с крысой в зубах. Он готовился застрелить также и её, но вид крысы изменил его намерение: кошка-крысолов достойна жить.

Эта крыса оказалась первой, когда-либо пойманной нашей киской, но она спасла ей жизнь. Кошка пробралась через кучи хлама к ящику, но, к её удивлению, ни один из котят не явился на зов. А кролик отказывался есть крысу. Она стала кормить его молоком, продолжая время от времени звать своих котят. Негр подкрался к ящику и, заглянув в него, увидел, к величайшему изумлению, что в нём находятся кошка, живой кролик и мёртвая крыса.

Мать-кошка пригнула назад уши и зарычала. Негр удалился, но минуту спустя на ящик опустилась доска, а ящик вместе с его обитателями, живыми и мёртвыми, был препровождён в птичий подвал.

— Смотри-ка, хозяин, вот где кролик, который пропал! А ты-то думал, что я его украл!

Кошку с кроликом поместили в большую железную клетку и в течение нескольких дней выставляли как образец счастливого семейства.

Кролик вскоре захворал и умер. А кошка ни на минуту не чувствовала себя счастливой в клетке. Нужды нет, что ей вдоволь давали пить и есть. Она тосковала в неволе и, весьма вероятно, добилась бы скоро свободы или смерти. Но, к своему несчастью, во время четырёхдневного заключения в клетке она так хорошо отмыла свою шкурку и шерсть её оказалась такого необычайного цвета, что Японец решил оставить её у себя.

Жизнь вторая

Глава VI

Японец Мали был самый плутоватый из сынов лондонского предместья, когда-либо торговавших дешёвыми канарейками в подвальном этаже. Он был очень беден, и негр жил с ним потому только, что уроженец Лондона соглашался делить с ним стол и кровать и вообще считал его равным себе, в то время как американцы обращаются с неграми словно с собаками.

Японец считал себя честным человеком, хотя всем было известно, что зарабатывал он укрывательством краденых собак и кошек. С полдюжины канареек служили просто-напросто ширмой. Однако Японец не унывал. Он по-своему был не лишён честолюбия и любил, чтобы его считали знатоком своего дела. Однажды он даже отважился представить кошку на великосветскую выставку общества Никербокер, руководясь тремя довольно-таки смутными целями: во-первых, для удовлетворения своего самолюбия; во-вторых, ради дарового входа на выставку; а в-третьих, «надо, знаете ли, присматриваться к дорогим кошкам, если уж занимаешься кошачьим делом». Но выставка была великосветская, и жалкая ангорская полукровка была отвергнута с неодобанием.

Единственными интересными для Японца газетными столбцами были те, где помещались объявления о пропаже и находке собак и кошек. Однажды он вырезал и сохранил заметку «о продаже кошек на мех». Этот клочок бумаги был пришпилен к стене лавчонки, и он заставил Японца приняться за жестокий опыт над трущобной кошкой. Прежде всего он вымазал её гряз-

ную шкуру особым снадобьем для уничтожения насекомых. Затем основательно вымыл её в тёплой воде с мылом, невзирая на вопли, когти и зубы. Киска была в ярости. Но когда она стала подсыхать, шерсть её распушилась, сделалась необыкновенно чистой и мягкой. Японец и его помощник были очень довольны своим опытом. Впрочем, это было только начало: самый опыт ещё предстоял впереди. «Для улучшения меха успешнейшим средством является обилие маслянистой пищи и постоянное пребывание на холодном воздухе» — гласила газетная заметка.

Зима была уже на носу, и Японец Мали выставил клетку киски во двор, защитив её только от дождя и ветра. Он принялся кормить её сколько влезет жмыхом¹ и рыбьими головами.

Через неделю уже наступила заметная перемена. Кошка с каждым днём становилась сытее и пушистее; ей нечего было делать, как только набираться жиру и ухаживать за своей шерстью. Клетка содержалась в чистоте, и так как природа, откликаясь на холодную погоду и маслянистую пищу, делала кошачью шубку с каждым днём всё пышнее и блестящее, к половине зимы трущобная киска превратилась в кошку редкостной красоты, с чудесной пушистой шерстью, разрисованной прекрасными полосами. Японец был очень доволен результатом опыта и возмечтал о небывалой славе. Почему бы не послать киску на приближающуюся выставку? Но после прошлогодней неудачи он стал осторожнее.

— Видишь ли, Сэмми, — сказал он негру, — предлагать её как бродячую кошку не годится. Но мы

---

¹ Жмых — продукт, получаемый в результате отжима масла из семян. Очень ценная добавка к корму для животных.